

ПСКОВСКИЕ КРИВИЧИ

В статье рассматривается проблема славянского расселения в Псковской земле и принадлежность древнейших славян региона к славянскому этнополитическому объединению кривичей.

Ключевые слова: кривичи, славяне, этногенез, культура псковских длинных курганов.

Zhikh M.I.

THE KRIVICHS OF PSKOV

In article the problem of Slavic resettlement in the Pskov earth and belonging of the most ancient Slavs of the region to Slavic ethnopolitical association of Krivichsis considered.

Key words: Krivichs, Slavs, ethnogenesis, the culture of Pskov long barrows.

История кривичей является одной из наиболее дискуссионных в изучении славянского расселения в Восточной Европе (Жих, 2013; Жих, 2015). Важной составной частью «кривичской проблемы» является вопрос о «псковских» кривичах, который можно сформулировать так: с какой славянской группировкой связано освоение славянами бассейнов реки Великой, Псковского и Чудского озер?

Дело в том, что напрямую в «Повести временных лет» ее имя нигде не названо. О кривичах же в этногеографическом введении к ПВЛ сказано, что «Кривичи, иже седять на верхъ Волгы и на верхъ Двины, и на верхъ Днепра, ихъ же и городъ есть Смоленскъ, туда бо седять Кривичи» (ПСРЛ. I. Стб. 10; ПСРЛ. II. Стб. 8). В тоже время ряд косвенных данных говорит о том, что кривичский ареал простирался далеко на северо-запад и охватывал также и территорию будущей Псковской земли (Барсов, 1873. С. 155; Шахматов, 1919. С. 29; Третьяков, 1953. С. 234; Седов, 1970. С. 91; 1974. С. 36-41; 1981. С. 5-11; 1982. С. 46-58; 1999. С. 117-128; 2007. С. 24-35; Николаев, 1990. С. 55). С другой стороны, некоторыми учеными существование «псковских» кривичей отрицается как не имеющее достаточного обоснования (Лебедев, 1978. С. 81-85; Мачинский, 1986. С. 5-

23; Горский, 1999. С. 27-33; Михайлова, 2014. С. 230; 2015. С. 27-28), что побуждает заново рассмотреть данную проблему.

Первое, на что хотелось бы обратить внимание: вышеприведенный пассаж этногеографического введения к ПВЛ никак не является исчерпывающим описанием кривичских территорий, что становится понятно при обращении к другим летописным данным. Он не включает в них среднее течение Западной Двины, а между тем, ряд сообщений летописей говорит о том, что здесь также проживали кривичи:

- в легенде о призвании варягов в ПВЛ сказано, что «первии наследници... въ Полотьске Кривичи» (ПСРЛ. I. Стб. 20; ПСРЛ. II. Стб. 14), а поскольку кривичи участвовали в призвании Рюрика, то он посадил в городе одного из своих мужей (ПСРЛ. I. Стб. 20; ПСРЛ. II. Стб. 14);

- под 1127 г. летописи, повествуя о походе киевского князя Мстислава Владимировича на Полоцкую землю говорят: «посла князь Мьстиславъ съ братьею своею многы [на] Кривичи четырьми путьми» (ПСРЛ. I. Стб. 297; ПСРЛ. II. Стб. 292);

- в Ипатьевской (под 1140 и 1162 гг.: ПСРЛ II. Стб. 304, 521) и Воскресенской (под 1129 и 1162 гг.: ПСРЛ VII. Стб. 28, 76) летописях полоцкие князья названы «кривичскими».

Кривичи представляли собой особую этнокультурную славянскую общность, расселившуюся на огромной территории и вследствие этого, не имевшую, по-видимому, прочного политического единства. В кривичском ареале существовал ряд локальных группировок. Характерен имеющийся в летописях оборот «все кривичи» (ПСРЛ. I. Стб. 19, 22-23; ПСРЛ. II. Стб. 13-14), не применяемый летописцами больше ни к одному из славянских этнополитических союзов. Он указывает на сложный состав общности кривичей, на наличие ряда локальных кривичских объединений.

В Среднем течении Западной Двины проживала особая группа кривичей, имевшая собственное имя «полочане» и политически обособленная от смоленской группы кривичей (Жих, 2015. С. 41-47), что и позволило одному из летописцев не включать её земли в состав кривичских. Говоря о кривичах в верховьях Волги, Западной Двины и Днепра, автор этногеографического введения к ПВЛ, очевидно, имел в виду только смоленских кривичей. Такая же особая группировка кривичей могла проживать и дальше к северо-западу, в Псковском регионе.

К прояснению этого вопроса давно привлекается легенда о призвании варягов, в которой говорится, что «В лето 862. Изъгнаша Варяги за море и не даша имъ дани. и почаша сами в себе володети. и не бе

в нихъ правды. и въста родъ на родъ. [и] быша в нихъ усобице. и воевати почаша сами на ся [и] реша сами в себе. поищемъ собе князя. иже бы володелъ нами. и судилъ по праву. [и] идаша за море къ Варягомъ к Руси. (...) реша. Русь. Чюдь [и] Словени. и Кривичи. вся земля наша велика и обилна. а наряда в ней нетъ. да поидете княжить и володети нами. и избърашася 3 брата. с роды своими. [и] пояша по собе всю Русь. и придоша стареишии Рюрикъ [седе Новеороде]. а другии Синеоусъ на Белеозере. а третии Изборъсте. Труворъ» (ПСРЛ. I. Стб. 19-20).

Из сопоставления «племен», участвовавших в призвании варягов, с городами, в которых обосновались три брата, можно сделать вывод, что Изборск был центром кривичей. Так считал уже Н.М. Карамзин: «Рюрик прибыл в Новгород, Синеус на Белоозеро... а Трувор в Изборск, город кривичей» (Карамзин, 1989. С. 94).

К сходным выводам пришел Н.П. Барсов: «Кривское происхождение славян, поселявшихся у Чудского озера, указывает сама Начальная летопись, называя кривичей в числе трех племен или земель, призвавших варяго-русских князей, из которых Рюрик сел в Новгороде у славян, Синеус на Белоозере у Чуди, а Трувор в Изборске у Кривичей. Эти изборские кривичи участвовали в призвании русских князей и в подчинении их власти своих полоцких и смоленских собратьев, совершившемся при Рюрике и Олеге» (Барсов, 1873. С. 155).

По словам А.А. Шахматова «их (кривичей – М.Ж.) поселения простирались далеко на северо-запад в бассейны Западной Двины и реки Великой, что видно из позднейших летописей, называющих псковский город Изборск городом кривичей, а также и из того обстоятельства, что имя кривичей в форме Kreews обозначает в языке латышей вообще русских и что поселение Кривичи имеется в уезде Виленской губернии» (Шахматов, 1919. С. 29).

Аналогично рассуждал и П.Н. Третьяков: «судя по летописи, кривичские поселения действительно доходили до Чудского озера, а город Изборск являлся одним из древних центров этого племени» (Третьяков, 1953. С. 234).

В.В. Седов констатировал, что «в научной литературе укоренилось мнение, что Псковская земля была частью кривичского ареала» (Седов, 1982. С. 53)¹. «Таким образом, по летописным данным, кривичи занимали

¹ Действительно, понимание Изборска как города кривичей, а кривичей как славянских насельников Псковщины стало общим местом во многих работах. См.: Куза, 1975. С. 155; Петрухин, 1995. С. 90; Свердлов, 2003. С. 113.

те области, где впоследствии образовались Смоленская, Полоцкая и Псковская земли. Территория распространения длинных курганов полностью совпадает с летописным ареалом кривичей» (Седов, 1974. С. 36).

Под «позднейшими летописями» А.А. Шахматов, очевидно, имел в виду Устюжский (Архангелогородский) свод, в котором говорится «третии Трувор седе во Изборску, а то ныне пригородок псковский, а тогда был в Кривичех большии город» (Устюжский летописный свод, 1950. С. 20).

Значение соответствующих данных оспорил Г.С. Лебедев, по мнению которого «в начальной летописи прямых указаний на связь “Изборск – Кривичи” нет. Она появилась, видимо, в ходе своеобразной историографической переработки летописей, сначала средневековыми редакторами, а затем исследователями нового времени... Вся совокупность археологических и лингвистических данных, а также наиболее близкие к оригиналам XI в. Летописные тексты решительно противоречат такому отождествлению» (Лебедев, 1978. С. 84). Ученый предположил, что «Изборск – одно из самых западных поселений ильменских словен, на Псковском озере быстро обособившихся в особую группу» (Лебедев, 1978. С. 85).

Между тем, согласно А.А. Шахматову, Архангелогородский свод является «весьма важным источником при исследовании нашего летописания» (Шахматов, 2003. С. 66), поскольку, несмотря на то, что формально он является поздним, тем не менее «летописные статьи Начального свода (предшествовавшего ПВЛ и составленного в конце XI в. – М.Ж.) передаются в летописце (Архангелогородском – М.Ж.) в более древней и *полной* (оставляя в стороне встречающиеся при этом сокращения) редакции, чем та, которая отразилась в Софийском временнике (курсив А.А. Шахматова – М.Ж.)» (Шахматов, 2003. С. 66); «Архангелогородский летописец, или, вернее, оригинал его, содержал в себе ряд заимствований из очень древней редакции Начального свода, – редакции, по-видимому, предшествовавшей той, которая, с одной стороны, отразилась во втором Новгородском летописном своде, а с другой – легла в основание ПВЛ» (Шахматов, 2003. С. 69).

К аналогичным выводам пришел и М.Н. Тихомиров: «Оригинал Устюжской летописи... предшествовал Начальному своду 1093 г. и, возможно, отразил какой-то летописный свод 60–70-х годов XI в. Таким образом, при суждении о первоначальном составе известий о Руси IX-X вв. можно опираться не только на сравнение “Повести временных лет” с

Начальным сводом 1093 г., но и на Устюжскую летопись» (Тихомиров, 1979. С. 51).

Эти выводы специалистов позволяют говорить о недопустимости нигилистического отношения к указанию Устюжского свода на принадлежность Изборска кривичам. Оно ничем не обосновано кроме нежелания сторонников гипотезы о позднем приходе славян на северо-запад Восточной Европы, видеть кривичей в носителях культуры псковских длинных курганов (далее – КПДК), распространенной на территории Псковщины и значительной части Новгородчины во второй половине I тыс. н.э. (рис. 1).

В.В. Седов обстоятельно аргументировал принадлежность длинных курганов летописным кривичам (Седов, 1970. С. 91-124; 1974. С. 36-41; 1981. С. 5-11; 1982. С. 46-58; 1999. С. 117-128; 2007. С. 24-35; см. также: Третьяков, 1953. С. 233-236; 1966. С. 280-283), указав на: - идентичность в устройстве и в особенностях погребального ритуала между длинными и сменяющими их круглыми курганами; - нахождение длинных и круглых курганов на одних и тех же могильниках; - генетическую связь керамических материалов IX-X вв. с керамикой длинных курганов; - отсутствие данных о притоке масс какого-либо нового населения в конце I – начале II тыс. н.э. в регион Верхнего Поднепровья и Подвинья, равно как и в бассейн Чудского озера; - отсутствие генетической преемственности между ранними памятниками КПДК, и предшествующей ей финно-угорской культурой текстильной керамики, что свидетельствует о приходе в регион крупных масс нового населения с новым хозяйственным укладом, которое и явилось создателем новой культуры (отдельные финские или балтские черты в культуре не являются для нее основными и носят региональный характер, они отражают ассимиляцию славянами автохтонного населения); - совпадение ареала длинных курганов с тем, который летописи отводят кривичам; - родственность смоленско-полоцких и псковских говоров.

Ничем не обосновано и не может быть подтверждено предположение Г.С. Лебедева о принадлежности Изборска ильменским словенам. Ни Псков, ни Изборск ни в одном источнике не называются городами словен. Отношения Пскова и Новгорода, Псковской и Новгородской земель складывались очень сложно и неоднозначно. Сопки, связываемые большинством исследователей со словенскими, в псковско-изборском регионе единичны (рис. 1).

Высказывались также сомнения в том, что Изборск мог быть в IX в. значительным центром и играть роль одной из столиц Северной Руси, которую отводят ему летописцы. А.Н. Насонов полагал, что «Изборск, конечно, не был значительным центром кривичского племени» (Насонов, 1951. С. 72), а в «варяжскую легенду» попал при Ярославе Мудром, будучи своеобразной опорой Ярослава в Псковской земле поскольку в самом Пскове до 1036 г. сидел брат Ярослава Судислав (Насонов, 1951. С. 71). Г.С. Лебедев отметил «бедность» культуры первоначального Изборска, из чего, по мнению ученого, следует, что он не мог быть племенным центром (Лебедев, 1978. С. 84).

Подобные утверждения, на наш взгляд необоснованы. Упадок одних городов и рост на этом фоне других – хорошо известный исторический факт. Уже древнерусские летописцы писали о том, что изначально в Псковском регионе ведущую роль играл именно Изборск, и лишь впоследствии он уступил ее Пскову. Помимо приведенного выше свидетельства Устюжского свода можно вспомнить и слова Степенной книги: «еще бо граду Пскову не сущу, но бяше тогда начальный градъ во стране той, зовомый Изборескъ, идеже прежде господствуя Труворъ» (Сказание, 1908. С. 6).

Что же касается «бедности» материальной культуры древнейшего Изборска, то это понятие очень относительное и может рассматриваться только в сравнении с уровнем других поселений Псковского региона. В VIII-IX вв. он был здесь одним из наиболее выдающихся. Подводя итоги многолетних работ изборской экспедиции (1971-1992), В.В. Седов констатировал: «Достаточно очевидно, что Изборск... был нерядовым поселением... Уже на первых порах поселение было защищено валом... Наличие площади, предназначенной для проведения массовых (племенных) сборов и культовых (языческих) празднеств и гаданий, свидетельствует о том, что поселение выполняло административно-политические функции, являясь центром (племенным) одной из крупных группировок кривичей... Несомненно, что в VIII-X вв. Изборск был одним из протогородских поселений Восточной Европы» (Седов, 2007. С. 117).

Археологически подтверждена связь начального Изборска (т.н. «Труворово» городище в поселке Старый Изборск в 30 км от современного Пскова) с КПДК. Ведущий исследователь Изборска В.В. Седов указывал, что изборское поселение, ставшее одним из славянских племенных центров, было основано на рубеже VII-VIII вв. (Седов, 1982. С. 57) и «древнейшая лепная керамика Изборского городища представлена горшкообразными

сосудами с плавным профилем... Эта керамика аналогична глиняным урнам из длинных курганов, отнесенным ко второй группе» (Седов, 1982. С. 57). В своей итоговой работе об Изборске ученый говорил: «специального рассмотрения заслуживает керамика культуры псковских длинных курганов, поскольку основная часть наиболее ранней лепной посуды Изборского городища находит в ней полные аналогии» (Седов, 2007. С. 29; в той же книге дан подробный обзор изборской керамики и ей сопоставление с керамикой КПДК: Седов, 2007. С. 77-84). Керамика, характерная для КПДК, найдена и в нижних слоях Псковского городища (Седов, 2007. С. 29).

Д.А. Мачинский, отвергая связь древнейшего Изборска с кривичами, попробовал воскресить восходящее к Г.Ф. Миллеру предположение о будто бы скандинавском происхождении названия города: *Isaborg – «город на реке Исе», а поскольку «Труворово» городище расположено далеко от Исы, решил, что оно не было первоначальным Изборском. Изначальный Изборск, по Д.А. Мачинскому, – это какое-то финско-скандинавское поселение на берегах Исы (Мачинский, 1986. С. 20-22). Развивая последнее допущение Д.А. Мачинского, С.В. Белецкий предположил, что изначально имя «Исуборга» носило Псковское городище в низовьях р. Великой (будто бы такое имя ему дали пришедшие в конце IX в. скандинавы, разрушившие местное поселение и основавшие на его месте свой город), откуда в первой половине XI в. жители переселяются на «Труворово» городище, перенесли на него и название «Изборск», уже славянизированное, в то время как Псков получает свое нынешнее имя (Белецкий, 1996. С. 79-82).

Подобные построения иначе как несерьезными назвать невозможно. Если так произвольно «носить» города, то «доказать» можно всё, что угодно. Никаких данных о переносе названия «Изборск» нет.

Идея XVIII в. о скандинавском «Исуборге», которую ещё М.В. Ломоносов называл «смешной», противоречит закону ряда и ныне популярна в основном среди некоторых петербургских археологов (Д.А. Мачинский, С.В. Белецкий, К.М. Плоткин), но не воспринимается всерьез большинством лингвистов, которые связывают это название со славянским «избор»/*jъzborъ, при некоторых различиях в подходе к вопросу непосредственной его топонимизации².

²Т.Н. Джаксон и Т.В. Рождественская констатировали, что «на сегодняшний день вопрос о возникновении топонима “Изборск” остается открытым. С уверенностью можно говорить только о его славянском происхождении» (Джаксон, Рождественская, 1988. С. 229). Они же указывают, что «топонимы Isburg и Yseborg на картах Московии конца XVI – начала XVII в.», которые Д.А. Мачинский использовал как аргумент в пользу своего предположения, «вряд ли

Ф. Миклошич и Й. Миккола рассматривали топоним «Изборск» как притяжательное прилагательное, образованное от личного имени «Избор» в значении «избранник» (*Izbor*, зафиксировано у южных славян в районе Зальцбурга (кон. VIII – нач. IX в.) и у поляков) (Miklosich, 1860. S. 66; Mikkola, 1921. S. 200). Эта гипотеза была поддержана Е.А. Рыдзевской в ее неопубликованной статье о названии Изборск (Седов, 2007. С. 17), в ранней работе С. Роспонда (Роспонд, 1972. С. 21) и ведущим исследователем археологии Изборска, В.В. Седовым, по мнению которого Избором могли звать предводителя одной из славянских группировок, осевших в середине I тыс. н.э. в Изборском крае (Седов, 1982. С. 246; 1990. С. 24-26; 2007. С. 17-18).

В.П. Нерознак возводит название города Изборска не к антропониму, а непосредственно к древнерусскому *изборъ* в значении «выбор» и трактует «Изборск» как «место, избранное (для поселения)» (Нерознак, 1983. С. 79).

С. Роспонд (в более поздней работе) и Р. Мароевич предложили рассматривать имя «Изборск» в ряду отгидронимических с названий с суффиксом *ьскъ* (типа «Витебск» – от реки Видьбы; «Полотеск» – от реки Полоты и т.д.), трактуя его как «(город), расположенный на озере Избор» (Роспонд, 1979. С. 29; Мароевич, 1997. С. 85). В.В. Седов по поводу данной гипотезы заметил: «Если это так, то можно предположить, что озеро, которое ныне именуется Городищенским, славянскими первопоселенцами было названо Избор (древнерусское *избор* “выбор”), подобно тому как в 1431 г. псковский князь Александр Федорович с посадниками “заложиша город новый в Котельньскомъ обрубе и нарекоша имя ему Выборъ”. От гидронима Избор и было произведено название города, основанного на берегу озера» (Седов, 2007. С. 18)³. Смена имени гидрографического объекта – явление редкое, но в данном случае современное имя озера «Городищенское» невольно вызывает вопрос: а как оно называлось, когда рядом с ним еще не было городища?

Важно отметить, что данный топоним имеет не единичный характер, на славянщине известны и другие «Изборски». Так, например, «Список

являются отражением древнего названия, а скорее транскрипцией местного звучания, сопровождаемым характерным для топонимии народно-этимологическим переосмыслением» (Джаксон, Рождественская, 1988. С. 225).

³ Высказывалась ещё гипотеза о происхождении названия «Изборск» от «извор»/**jъzvorъ* «источник» (близ Изборска находятся Словенские ключи). Первоначальная форма имени города тогда должна была выглядеть как «Изворьскъ» (в псковских говорах известно чередование «б» и «в») (Мельников, 1984. С. 71). Этой гипотезе как будто противоречит наличие других славянских «Изборсков».

русских городов дальних и ближних» называет еще два Изборска: один на Волыни на реке Солоной, а второй – среди «литовских» городов (видимо, под Минском: Беляев, 1872. С. 9). Также известны: луг *Изборескъ* у реки Москвы (Межевая книга, 1504 г.); пустошь *Изборско* под Новгородом в Бутковском погосте Водской пятины (Писцовая книги, XVI в.); в Псковской земле известна местность Изборщина за рекой Соротью (Псковская первая летопись 1518 г.); в районе Калуги и Вязьмы известны поселения *Изборова* (Бутков, 1840. С. 61; Седов, 2007. С. 17).

Характерно и то, что археологическое изучение Изборска не выявило ни в его культуре, ни в вещевых материалах признаков проживания скандинавов (Седов, 2007. С. 117).

Выше было приведено наблюдение А.А. Шахматова о том, что латыши называют русских «криеви» (латыш. *krievi*, латг. *krīvi*), а Россию «Криевия» (латыш. *Krievija*), именем, явно производным от названия «кривичи», из чего следует, что кривичи были первыми восточными славянами, с которыми встретились латышские племена. Большая часть славяно-латышского пограничья древнейшей поры приходилась на рубеж КПДК и латгальских памятников.

На Псковщине есть ряд географических названий, которые можно связывать с кривичами: *Кривкина*, *Кривцы*, *Кривец*, *Кривины* (Барсов, 1873. С. 155).

По мнению Г.С. Лебедева (Лебедев, 1977. С. 78-99; 1978. С. 61-85) и развивающей его ныне Е.Р. Михайловой «длиннокурганники» не были славянами и не стали основой населения соответствующих регионов древнерусского времени, уступив место новому, славянскому, населению, которое их ассимилировало: «рассуждать об этнической или языковой принадлежности населения, полностью растворившегося в иной среде, не оставив заметных следов ни в материальной культуре, по-видимому, в языке, вряд ли имеет смысл» (Михайлова, 2014. С. 230). Насколько обоснован такой скепсис?

Если носители КПДК не были славянами-кривичами, а представляли собой местное дославянское население, то с какими памятниками следует связывать приход в бассейн рек Великой, Ловати и Мсты славян? И с какими археологическими реалиями тогда связывать называемый в летописях восточнославянский этнополитический союз кривичей? На смену культуре длинных курганов приходит уже вполне стандартная древнерусская культура, отражавшая процесс нивелировки славянского и

иною населения Восточной Европы, его интеграции в рамках древнерусской народности.

Оппоненты В.В. Седова, к которым принадлежит и Е.Р. Михайлова, начиная с И.И. Ляпушкина, пытаются разделить длинные курганы и сопки с одной стороны и круглые курганы с сожжением – с другой (первые дославянские, вторые связаны с пришедшими не ранее VIII-IX вв. славянами: Ляпушкин, 1968. С. 89–118; Лебедев, 1977. С. 78–154; 1978. С. 61–100; Загорульский, 2012. С. 250–259), но сделать этого сколько-нибудь надежно никому не удалось ни хронологически, ни территориально; эти два типа курганов составляют единые комплексы, они систематически соседствуют на одних и тех же могильниках (Седов, 1974. С. 36–41; Носов, 1981. С. 42–45).

Длинные курганы и полусферические часто находятся в одних группах, образуя единые могильники, что говорит о преемственности оставившего их населения (при этом они идентичны в устройстве, в особенностях погребального ритуала, в инвентаре). На каком-то этапе длинные курганы сосуществуют с круглыми, что наглядно показывает постепенную смену погребального обряда местного населения.

Если отрицать славянскую принадлежность длинных курганов (и сопки), то славянское расселение на севере Восточной Европы придется датировать временем не ранее VIII/IX-X вв. Это кажется совершенно нереальным, так как в этом случае славяне должны были в кратчайшие сроки заселить огромные территории и ассимилировать их население, так как уже в XI в., славянский этноязыковой компонент здесь безраздельно господствует согласно всем известным письменным источникам, в том числе массовым: берестяным грамотам и памятникам эпиграфики.

В новгородских берестяных грамотах, отражающих именованослов не только города, но и всей его округи, с самого времени их появления всецело господствуют славянские антропонимы (показательна, например, грамота № 526, относящаяся к XI в. и перечисляющая должников из разных мест новгородской сельской округи, которые оказываются носителями славянских, а не финнских или балтских имен), что было бы совершенно нереально, появившись здесь славяне так поздно.

А.М. Загорульский констатирует, что на территории современной Беларуси «среди известных нам надписей на предметах XI – XII вв. нет ни одной, которая была бы выполнена не по-русски» (Загорульский, 2012. С. 316). То же самое можно сказать и о Псковской и Новгородской землях

(новгородская берестяная грамота № 292 середины XIII в. на карельском языке единична).

Гипотеза о позднем появлении славян на Севере Восточной Европы противоречит, таким образом, письменным историческим данным, которые с XI в. фиксируют здесь абсолютное преобладание славянского этноязыкового компонента. Чтобы сложилась такая ситуация, славяне здесь должны были появиться минимум за несколько столетий, а не накануне XI в.

Прекращение существования КПДК Е.Р. Михайлова объясняет сменой населения в ее ареале (Михайлова, 2014. С. 228–230). Но ведь примерно одновременно с КПДК прекращают своё существование и другие локальные восточноевропейские культуры: луки-райковецкая, роменско-борщевская, смоленско-полоцких длинных курганов, сопок. Все они сменяются древнерусской культурной. Значит ли это, что во всей Восточной Европе произошла смена населения? Едва ли⁴. Гораздо проще и логичнее объяснять процесс прекращения существования локальных восточноевропейских культур в IX–XI вв. не сменой населения, а унификацией жизни Восточной Европы в пределах формирующегося Древнерусского государства. Процесс этот шёл постепенно: в каких-то районах местные культурные особенности исчезли раньше, в каких-то – позже. Но нет никаких оснований трактовать процесс постепенного угасания «местных» культур в период становления Руси как смену этнического лица соответствующих регионов.

Лингвистически прослеживается диалектное единство Псковской, Полоцкой, Смоленской и Тверской земель, образующих «кривичский пояс» (Николаев, 1990; 2011). Исторически оно может соответствовать только распространению в этом ареале погребений в длинных курганах, которые очерчивают тот же ареал, который летописи отдают кривичам. При этом наблюдается корреляция историко-археологических и лингвистических данных о разделении кривичей на локальные группы. С.Л. Николаев выделил следующие диалектные группы племенного языка кривичей: (1) псковский диалект; (2) древненовгородский диалект (древненовгородское койне), сложившийся при взаимодействии псковских и ильменско-словенских (не кривичских) говоров; (3) смоленский диалект; (4)

⁴ Инфильтрация славян в Восточную Европу из Дунайского региона в этот период имела место (Седов, 1999. С. 183-204; Щеглова, 2009. С. 60-61), но она по своим масштабам совершенно не может претендовать на то, что эти мигранты поглотили и ассимилировали массы восточноевропейского населения.

верхневолжский диалект «тверских» кривичей; (5) полоцкий диалект; (6) западный диалект (северная Гродненщина) (Николаев, 1990. С. 55).

Эти кривичские диалектные группы соответствуют (1) «псковским» кривичам; (2) памятникам КПДК, расположенным на Мсте и Мологе; (3) «смоленским» кривичам; (4) «тверским» или «восточным» кривичам; (5) «полоцким» кривичам, *полочанам* летописи (о них см.: Жих 2015); (6) группам кривичей, дальше всего продвинувшихся на запад.

В одной из своих последних работ Е.Р. Михайлова привела новые доводы против отождествления КПДК с кривичами. Исследовательница констатирует, что «к настоящему времени многочисленные памятники культуры длинных курганов выявлены на Мсте и Мологе почти до Белозерья», что, по ее мнению, подрывает связь между КПДК и очерченным в летописях ареалом кривичей (Михайлова, 2015. С. 27). Но, во-первых, на примере полочан можно видеть, что пассаж из этногеографического введения к ПВЛ вовсе не очерчивает весь кривичский ареал, но только земли смоленской группы кривичей, а во-вторых, КПДК в указанных районах перекрывается культурой сопок (рис. 1) и её носители втягиваются, очевидно, в состав словен. С точки зрения лингвистики эти «мстинские» кривичи, соответствуют, очевидно диалектной группе (2) по С.Л. Николаеву, которая внесла в древненовгородский диалект кривичские черты.

По мнению Е.Р. Михайловой «Другое возражение против “кривичской гипотезы” непосредственно проистекает из обоснованной самим В.В. Седовым начальной даты культуры длинных курганов – V в. н.э. Тезис о существовании уже в это время общности под названием “кривичи”, которая через несколько сот лет под тем же именем, на тех же территориях и без особых изменений будет известна авторам Повести временных лет, нуждается в дополнительных доказательствах» (Михайлова, 2015. С. 27).

Возможность сохранения этнонима «кривичи» с середины I тыс. н.э. до рубежа I-II тыс. н.э. можно обосновать его распространением в разных частях славянской ойкумены. Помимо древнерусских кривичей: *Kryvitsani* (Пелопоннес), *Κροβίτσα* (Мессения), *Crivitz* (Мекленбург) (Трубачев, 1974. С. 55, 62). Столь широкое распространение этого имени, его укорененность в славянском мире (независимо от того были ли все эти кривичи осколками одного праславянского «племени» или же соответствующие названия возникли независимо по общей словообразовательной модели), указывает на то, что возникло оно еще в праславянский период, до начала великого

расселения славян середины н.э. И если от сложения в середине н.э. КПДК до древнерусского времени население в регионе не менялось, то нет оснований считать, что оно не могло сохранить на протяжении этого времени свой этноним.

В.В. Седов обосновал важность центральноевропейского импульса (распространение вещей провинциально-римских типов в лесной зоне Восточной Европы в середине I тыс. н.э.: шпоры и удила, железные бритвы, железные пластинчатые кресала, пинцеты, В-образные рифленые пряжки, некоторые типы подвесок, железные втульчатые наконечники копий, новые типы серпов, каменные жернова для ручных мельниц и т.д.) в период становления КПДК, видимо, связанного преимущественно со славянами, переселившимися с территории современной Польши, которые и заложили основы КПДК (Седов, 1994. С. 296–304; 1999. С. 91–117).

Е.Р. Михайлова подвергла эти выводы В.В. Седова сомнению: «Трудно согласиться с тезисом о переселении значительных масс среднеевропейского населения... Малочисленность центральноевропейских вещей, которые стремительно распространяются на большой территории в течение короткого хронологического отрезка, объясняется скорее мобильностью и хорошей организованностью немногочисленных переселенцев. Важно и то, что принесенных ими вещей не так уж много и, видимо, они использовались на протяжении жизни одного-двух поколений, далее непосредственные контакты с регионом производства принесенных предметов обрываются» (Михайлова, 2015. С. 28).

Провинциально-римские культуры средней Европы, откуда прибыли переселенцы, в бурных условиях великого переселения народов просто прекратили своё существование, чем и объясняется обрыв связей. Мигранты оказались в новом регионе, оторванными от «прародины», где привычный строй жизни был к тому же разрушен, соответственно, фактически они начали на новом месте новую жизнь. Производственные навыки ими были, очевидно, в значительной мере утрачены, вещи, которые они принесли с «прародины» постепенно вышли из обращения, а производство новых не было налажено. Этим объясняется и стремительность распространения вещей центральноевропейских типов (миграция) и их относительно быстрый выход из употребления.

Данные других наук также указывает на средневропейское происхождение древнейшего славянского населения Псковщины или его части.

С.Л. Николаев пришел к выводу, что «нетривиальное сочетание акцентуационных признаков... несомненно говорит о том, что в древности имелось специфическое родство диалектов-предшественников кривичского, великопольского (?), верхнелужицкого, галицкого, северночакавского и западноболгарского диалектов... Прочие характерные кривичские черты... объединяют кривичские диалекты с лехитскими и противопоставляют их всем остальным восточнославянским. Эти черты... должны считаться пережитками того состояния, когда кривичский племенной диалект, еще не войдя в близкий контакт с другими будущими восточнославянскими племенными диалектами и не затронутый общевосточнославянскими конвергентными процессами, представлял собой особый позднепраславянский диалект, входивший вместе с северными западнославянскими диалектами в единый лингвогеографический ареал» (Николаев, 1990. С. 62).

Важное значение имеют наблюдения Д.К. Зеленина о происхождении названия русских в языках их финно-угорских соседей, производном от традиционного экзоэтнонима балтийских славян *венеды*: «знаменательно, что эсты называли вендами (*Wene*) не кашубов или поляков, которые по языку ближе к балтийским славянам, а именно русских. Это обстоятельство можно объяснить только тем, что эсты наблюдали, как многие прибалтийские венды уходили из Ливонии на Русь и обратно уже не возвращались. Как видно из Хроники Генриха Латвийского, эсты хорошо знали ливонских вендов, и перенесение их имени на русских не может быть каким-либо странным недоразумением со стороны эстов» (Зеленин, 1954. С. 93).

Р.А. Агеева отметила в Новгородско-Псковской земле ряд архаичных славянских гидронимов (с основами *тереб-*, *сита*), связанных с гидронимией славян Средней Европы (Повисленье, Чехия и Словакия, Карпаты), показывающих «направление миграционного славянского потока с юго-запада на северо-восток современного славянского мира» и открывающих «новые аспекты в решении вопроса о связи славянского населения Северо-Запада с "пралехитской" группой славян» (Агеева, 1989. С. 184). Причем, выделенные Р.А. Агеевой по гидронимическим материалам регионы наиболее древней славянской колонизации Северной Руси, совпадают с районами скопления ранних длинных курганов

(бассейн реки Великой, земли в Южной Приильменье, район между Псковским и Чудским озёрами и рекой Лугой), на что обратил внимание В.В. Седов (Седов, 1994. С. 301).

Собранные Б.А. Малярчуком данные генетики свидетельствуют о сходстве псковско-новгородского населения с польско-литовским населением Северо-Восточной Польши (Сувалки), при этом, важно подчеркнуть, что население Сувалок отличается генетически как от населения остальных частей Польши, так и от остальных групп балтов, что позволило исследователю сделать вывод о западных истоках генофонда северо-западных русских (Малярчук, 2009). Антропология также свидетельствует о близости антропологических характеристик славян, земли которых прилегают к Балтийскому морю (Алексеева, 1973. С. 260).

Существует и принципиально иной взгляд на становление КПДК, восходящий к идеям П.Н. Третьякова о заселении севера Восточной Европы расселявшимися на север потомками носителей зарубинецкой культуры (Третьяков, 1966. С. 190–300), который развивается ныне Н.В. Лопатиным и А.Г. Фурасьевым. Эти исследователи считают, что, начиная с III в. потомки «зарубинцев», носители киевской культуры, расселялись в северном направлении, что привело к возникновению памятников круга Заозерье-Узмень, на основе которых впоследствии сформируются культуры псковских длинных курганов и тушемлинская (Лопатин, Фурасьев, 2007; 2007а. С. 282–285). При этом большинство исследователей, в т.ч. сами Н.В. Лопатин и А.Г. Фурасьев считают киевскую культуру славянской (Лопатин, Фурасьев, 2007. С. 105). Таким образом, и эта гипотеза генезиса КПДК не противоречит признанию ее носителей славянами-кривичами.

Возможно, КПДК сложилась как результат синтеза культурных традиций среднеевропейских мигрантов и продвинувшихся на север потомков носителей киевской культуры при участии автохтонного населения.

Подводя итоги сказанному, можно заключить, что нет достаточных оснований отвергать существование «псковских» кривичей – особой третьей кривичской группы, жившей на северо-западе ареала этого славянского объединения, обособленной от смоленской и полоцкой групп кривичей и связанной, очевидно, с памятниками КПДК. Важным политико-административным центром «псковских» кривичей VIII-IX вв. был Изборск и лишь впоследствии он утратил свою ведущую роль, уступив ее Пскову.

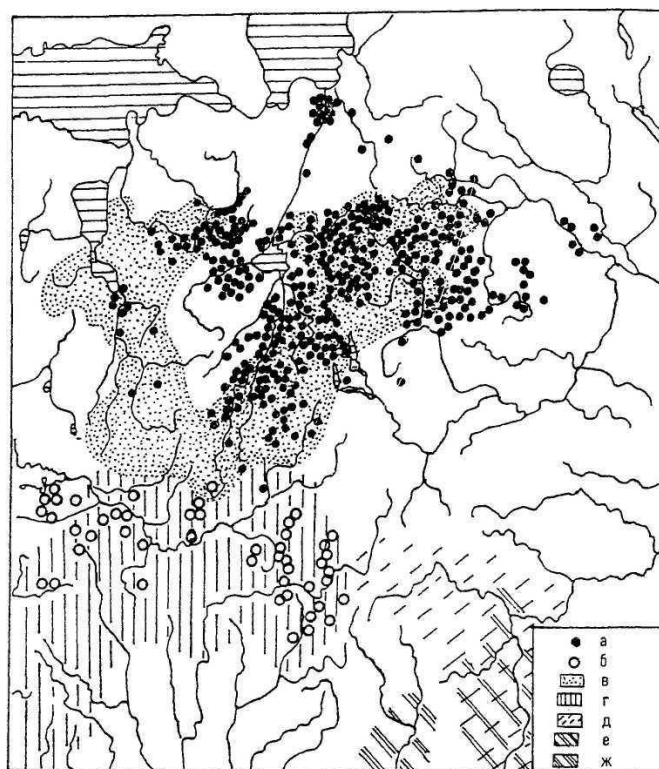

Рис. 1. Распространение длинных курганов и сопок. По: Седов 1999: 141. а – могильники с сопками; б – могильники с длинными курганами смоленско-полоцкого типа. Ареалы: в – культуры псковских длинных курганов; г – тушемлинской культуры; д – мощинской культуры; е – вятичей (VIII в.); ж – роменской культуры.

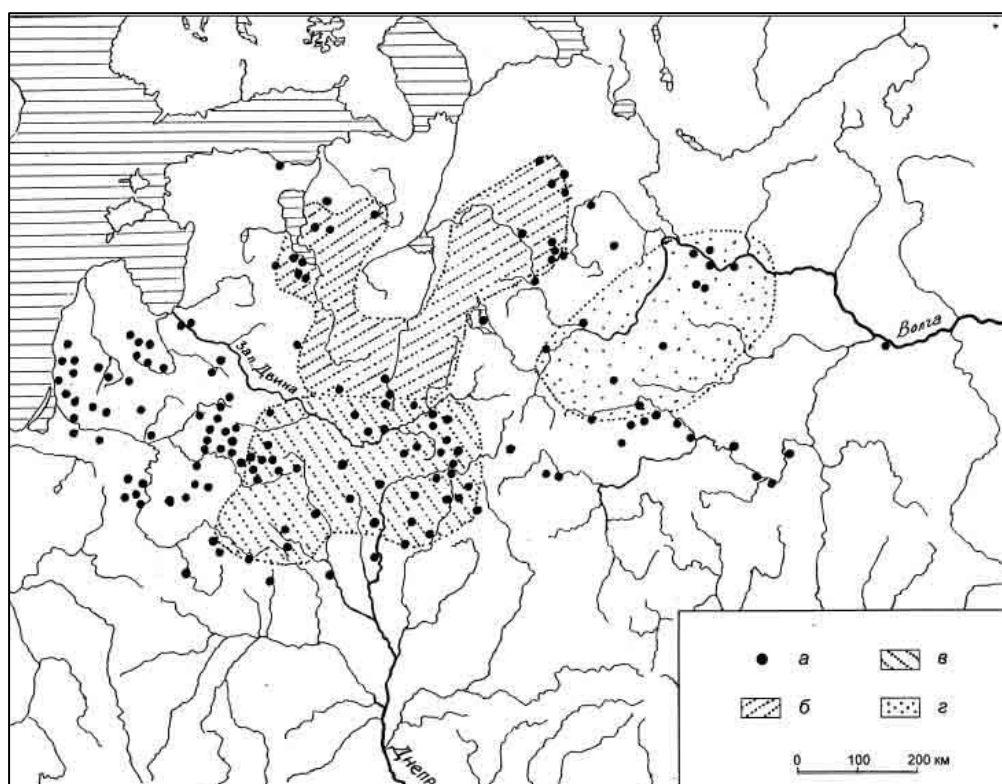

Рис. 2. Культурные новообразования в связи с расселением средневропейского населения. По: Седов 1999: 130. а – памятники с находками средневропейских провинциально-римских типов; б – ареал культуры псковских длинных курганов; в – тушемлинской культуры; г – мерянской культуры.

Литература

Агеева Р.А. Гидронимия Русского Северо-Запада как источник культурно-исторической информации. М.: Наука, 1989. 256 с.

Алексеева Т.И. Этногенез восточных славян по данным антропологии. М.: Изд-во МГУ, 1973. 332 с.

Белецкий С.В. Начало Пскова. СПб.: ИИМК РАН, 1996. 92 с.

Беляев И.Д. Рассказы из русской истории. Кн. 4. Ч. 1. М.: Синодальная типография, 1872. 460 с.

Бутков П. Оборона летописи русской несторовой от навета скептиков. СПб.: Тип. Росс. акад., 1840. 540 с.

Горский А.А. Русь: От славянского Расселения до Московского царства. М.: Языки славянской культуры, 2004. 392 с.

Джаксон Т.Н., Рождественская Т.В. К вопросу о происхождении топонима «Изборск» // Древнейшие государства на территории СССР. 1986. М.: Наука, 1988. С. 223–229.

Барсов Н.П. Очерки русской исторической географии. География начальной летописи. Варшава: Тип. Варшав. учеб. округа, 1873. 268 с.

Жих М.И. К вопросу об этнической принадлежности кривичей // Вестник Липецкого государственного педагогического университета. Серия гуманитарные науки. 2013. Вып. 1 (8). С. 8–17.

Жих М.И. О соотношении летописных «кривичей» и «полочан» // Исторический формат. 2015. № 1. С. 31–52.

Загорульский Э.М. Славяне: происхождение и расселение на территории Беларуси. Минск: Белорусский государственный университет, 2012. 367 с.

Зеленин Д.К. О происхождении северновеликорусов Великого Новгорода // Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР. Вып. 6. М.; Л., 1954. С. 49–95.

Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. I. М.: Книга, 1989. 640 с.

Куза А.В. Новгородская земля // Древнерусские княжества. М.: Наука, 1975. С. 144–201.

Лебедев Г.С. Археологические памятники Ленинградской области. Л.: Лениздат, 1977. 232 с.

Лебедев Г.С. Северо-Запад // Булкин В.А., Дубов И.В., Лебедев Г.С. Археологические памятники Древней Руси IX–XI вв. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1978. С. 61–100.

Лопатин Н.В., Фурасьев А.Г. Северные рубежи раннеславянского мира в III-V вв. М.: ИА РАН, 2007. 252 с.

Лопатин Н.В., Фурасьев А.Г. Северо-запад России и север Белоруссии // Восточная Европа в середине I тыс. н.э. (Раннеславянский мир. Вып. 9). М.: Институт археологии РАН, 2007а. С. 276–300.

Ляпушкин И.И. Славяне Восточной Европы накануне образования древнерусского государства (VIII – первая половина IX в.). Историко-археологические очерки. Л.: Наука, 1968. 187 с.

Малярчук Б.А. Следы балтийских славян в генофонде русского населения Восточной Европы // The Russian Journal of Genetic Genealogy (Русская версия). 2009. Т. 1. № 1. С. 23–27.

Мароевич Р. Методологические вопросы реконструкции древнеславянских топонимов (деривационно-семантический и деривационно-фонетический аспекты) // Вопросы языкознания. 1997. № 3. С. 76–88.

Мачинский Д.А. Этносоциальные и этнополитические процессы в Северной Руси (период зарождения древнерусской народности) // Русский Север. Л.: Наука, 1986. С. 3–29.

Мельников С.Е. О чем говорят географические названия: историко-лингвистические и краеведческие заметки. Л.: Лениздат, 1984. 199 с.

Михайлова Е.Р. Вещевой комплекс культуры псковских длинных курганов. Типология и хронология. Саарбрюккен (Saarbrücken): LAP LAMBERT Academic Publishing, 2014. 435 с.

Михайлова Е.Р. Культура псковских длинных курганов: современное состояние и роль В.В. Седова в ее изучении // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 240. М., 2015. С. 20–34.

Насонов А.Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М.: Изд-во Академии Наук СССР, 1951. 262 с.

Нерознак В.П. Названия древнерусских городов. М.: Наука, 1983. 208 с.

Николаев С.Л. К истории племенного диалекта кривичей // Советское славяноведение. 1990. № 4. С. 54–63.

Николаев С.Л. Следы особенностей восточнославянских племенных диалектов в современных великорусских говорах. Верхневолжские (тверские) кривичи // Славяноведение. 2011. № 6. С. 3–19.

Носов Е.Н. Некоторые общие вопросы изучения погребальных памятников второй половины I тысячелетия н.э. в Приильменье // Советская археология. 1981. № 1. С. 42–56.

Петрухин В.Я. Начало этнокультурной истории Руси IX-XI вв. Смоленск; М.: Русич, 1995. 320 с.

Полное собрание русских летописей. Т. I. Лаврентьевская летопись. М., 1997. 496 с.

Полное собрание русских летописей. Т. II. Ипатьевская летопись. М., 1998. 648 с.

Полное собрание русских летописей. Т. VII. Воскресенская летопись. М., 2001. 360 с.

Роспонт С. Структура и стратиграфия древнерусских топонимов // Восточнославянская ономастика/ Отв. ред. А.В. Суперанская. М.: Наука, 1972. С. 9–89.

Роспонт С. *Miscellanea onomastica Rossica* // Восточнославянская ономастика. Исследования и материалы. М.: Наука, 1979. С. 5–47.

Свердлов М.Б. Домонгольская Русь. Князь и княжеская власть на Руси VI – первой трети XIII в. СПб.: Изд-во «Академический проект», 2003. 736 с.

Седов В.В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья // Материалы и исследования по археологии СССР. № 163. М., 1970. 200 с.

Седов В.В. Длинные курганы кривичей // Свод археологических источников. Вып. E1-8. М., 1974. 96 с.

Седов В.В. Об этнической принадлежности псковских длинных курганов // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 166. М.: Наука, 1981. С. 5–11.

Седов В.В. Восточные славяне в VI-XIII вв. М.: Наука, 1982. 328 с.

Седов В.В. Топоним Изборск // Археология и история Пскова и Псковской земли. 1989. Псков, 1990. С. 24–26.

Седов В.В. Славяне в древности. М.: Изд-во «Науч.-производств. благотвор. о-во “Фонд Археологии”», 1994. 343 с.

Седов В.В. Древнерусская народность. Историко-археологическое исследование. М.: Языки русской культуры, 1999. 312 с.

Седов В.В. Изборск в раннем средневековье. М.: Наука, 2007. 413 с.

Сказание о святем благочестии Росийскихъ началодержецъ и семени ихъ святого и прочихъ // Полное собрание русских летописей. Т. 21. Первая половина. Книга Степенная царского родословия. Часть первая. СПб., 1908. 349 с.

Тихомиров М.Н. Начало русской историографии // Тихомиров М.Н. Русское летописание. М.: Наука, 1979. С. 46–66.

Третьяков П.Н. Восточнославянские племена. М.: Изд-во АН СССР, 1953. 312 с.

Третьяков П.Н. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.; Л.: Наука, 1966. 308 с.

Трубачев О.Н. Ранние славянские этнонимы – свидетели миграции славян // Вопросы языкознания. 1974. № 6. С. 48–67.

Устюжский летописный свод (Архангелогородский летописец) / Подготовка к печати и ред. К.Н. Сербиной. М.; Л.:Изд-во АН СССР, 1950. 128с.

Шахматов А.А. Древнейшие судьбы русского племени. Петроград: Издание Русского исторического журнала, 1919. 64 с.

Шахматов А.А. О начальном Киевском летописном своде // Шахматов А.А. История русского летописания. Т. I. Кн. 2. Раннее русское летописание XI-XII вв. СПб.: Наука, 2003. С. 31–70.

Щеглова О.А. Волны распространения вещей из Подунавья на северо-восток в VI-VIII вв. как отражение миграций или культурных влияний // Труды Государственного Эрмитажа. Т. 49. СПб.:Изд-во Государственного Эрмитажа, 2009. С. 39–65.

Mikkola J. L'avance des Slaves vers la Baltique // Revue des etudes slaves. 1921. Vol. 1. No. 3/4. S. 198-203.

Miklosich F. Die Bildung der slavischen Personennamen / Denkschriften der Tiener Akademie der Wissenschaften. 1860. Bd. X. 118 p.